

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 93:264.014.1

VULTUS РИМСКОГО ПОЛКОВОДЦА

канд. ист. наук, доц. С.В. ТЕЛЕПЕНЬ

(Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина)

Исследуется такой фактор военного лидерства в Древнем Риме, как vultus полководца. К концу Республики метод римского военного лидерства уже сложился, что позволило многим командирам обеспечить эффективный контроль над их солдатами. По большей части это был метод убеждения. Данный тип лидерства нашел применение в формальном и неформальном контекстах жизни военного лагеря, что требовало от полководца высокого уровня контроля своего внешнего вида, жеста и голоса. Делается вывод, хотя трудно утверждать однозначно, что поведение римских военных лидеров обуславливалось влиянием риторического обучения, очевидно, что их успех определялся теми же принципами. Личный vultus имел здесь большое значение и для ораторского искусства, для практика собственно лидера. Делается заключение о том, что в целом можно говорить об определяющем значении по преимуществу невербальных средств воздействия римского полководца на солдатскую массу.

Введение. В науке существует авторитетное мнение, что судить о римском методе военного лидерства сложно, так как слишком много здесь зависело от индивидуальных особенностей. Крупнейший современный специалист в области проблематики военного лидерства в Древнем Риме А. Голсуорти относительно военного лидерства признает, что оно было выразительно-харизматическим [1, р. 119]. К концу Республики метод римского военного лидерства уже сложился, что позволило многим командирам обеспечить эффективный контроль над их солдатами. По большей части это был метод убеждения. Как установила современная наука относительно харизматического лидерства, не только вербальные, но и невербальные средства выражения здесь чрезвычайно важны и стиль сосредоточен на эмоциональном воздействии на подчиненных. Этот коммуникативный стиль был укоренен в римской культуре, в которой динамика персональных взаимодействий была весьма значительна [2, с. 12]. Такая манера лидерства нашла применение в формальном и неформальном контекстах жизни военного лагеря, что требовало от полководца высокого уровня контроля своего внешнего вида, жеста и голоса. Как можно предположить, интегральным понятием для выражения всех этих средств воздействия римского полководца на солдатскую массу является *vultus*. Существенным моментом здесь является то, что если вербальная составляющая ораторского искусства римских военных лидеров в исторической науке (в том числе русскоязычной [3, с. 32]) изучена достаточно полно, то проблема собственно *vultus* римского полководца до настоящего времени является неразработанной. Данное обстоятельство, как нам представляется, позволяет говорить об актуальности настоящего исследования.

Основная часть. Обеспечение эффективного управления солдатской массой требовало от полководца *disciplina* (т.е. самодисциплины). В этом отношении римляне пребывали жестко в рамках римского аристократического образования и риторического обучения. Почему риторического? Во-первых, акцент на убеждении в практике командования (что вообще характерно для римской военной традиции) делал приспособление ораторских технологий к условиям военного лагеря естественным. Во-вторых, контроль за обеспечением риторического обучения был весьма полезен для моделирования поведения, соответствующего военной дисциплине. Это моделирование было достаточно неформальным, как и вообще манера общения полководца с его солдатами. Оно было основано на внушении и внешнем виде, т.е. визуальном эффекте; полководец стремился быть в центре внимания войска, для чего риторика практическая предоставляла ему необходимые средства. Правда использование данных средств становилось затруднительным, когда армия подвергалась внешним влияниям, соприкасалась с внелагерными источниками информации. Все это было, например, достаточной причиной, чтобы держать войско изолированным от населения того места, где войско находилось. *Vallum*, или палисад лагеря, защищал армию не только от врага, он защищал войско от внешних влияний и обеспечивал готовую среду, которую полководец (и командование в целом) могли убеждать, формировать и подвергать информационной обработке.

Полного отделения войска от внешнего мира достичь, конечно, было невозможно – всегда были обозы, проводники и торговцы, сопровождавшие войско. По этому поводу Тит Ливий писал применительно к лигурийской кампании 187 года до н.э., которая была особенно важна для возрождения римской воинской дисциплины, пострадавшей от коррупционных обстоятельств Первой Македонской войны:

Itaque non lixa sequebatur, non iumentorum longus ordo agmen extendebat. Nihil praeter arma et uiros omnem spem in armis habentes erat (Liv. XXXIX. 1.7) – «Неудивительно, что за войском не шли маркитанты, а в хвосте походной колонны не тянулся длинной вереницей обоз. Здесь были только оружие и воины, при- выкшие на оружие полагаться» (пер. Э.Г. Юнца). Из контекста следует, что обрисованная Ливием ситуа- ция не была типичной. Как следствие, задача полководца (убеждать) становилась сложнее, выручало здесь ораторское искусство. Однако для обеспечения повиновения был и другой инструмент.

В нашем анализе мы сосредоточимся в основном на значениях жеста и выражении лица (не на вы- ступлениях перед солдатами в их вербальном выражении), зафиксированном историками. Широко из- вестно, что эти речи были составлены историками сообразно обстоятельствам и не очень надежны в ка- честве исторических документов *per se*. Жесты и выражение лица, тем не менее, были важны и в конте- ксте риторической практики, и как органическая часть исторического контекста. Кроме того, изобилие современного изучаемой эпохе исторического материала от I в. до н.э. и более позднего времени соответ- ствует представлениям современников о поведении различных полководцев. Таким образом, можно утвер- ждать, что свидетельства о подобном поведении имеют некоторую связь с тем, что реально происходило. Кроме того, вероятно, что полководцы действовали согласно определенному поведенческому стереотипу.

Разумеется, может показаться, что командирские обязанности не совпадали с функциями оратора. Задачей оратора было убеждение, т.е. завоевание аудитории. В отношении хорошо дисциплинированной армии это могло бы дать преимущества, но она не должна быть уговариваема повиноваться. Задача ри- торического искусства, кроме того, состоит в том, чтобы помочь оратору подготовиться к речи, которая бы создала ситуацию *contentio*, т.е. состязания, в некотором роде. Рассматривая военный лагерь как «фо- рум», т.е. место дискуссий, необходимо изучить как источники свидетельства, содержащие сведения о *vultus* полководца, так и жизненную связь между двумя сферами аристократической карьеры, т.е. обя- занностями *domi et militiae*.

Важно подчеркнуть исключительное значение жеста в древнем риторическом (ораторском) иску- стве. Сравнительно легко, как замечено в современной науке, определить вербальные параметры ритори- ки – эффективное структурирование речи, следование логике, убедительные аргументы, подбор соответ- ствующих троп и т.д. [4, р. 4; 5, р. XX]. Но древнее красноречие было прежде всего работой, сопостави- мой во многих аспектах с театральным искусством. *Actio*, или постановка, была таким же важным факто- ром успеха речи, как и обращение оратора к вербальным средствам. Цицерон в своем трактате *De oratore* приводит пример Демосфена, который на вопрос, что наиболее важно в ораторском искусстве, ответил, что, во-первых, постановка (всего выступления), а также во-вторых и в-третьих (она же) (*Cic. De Orat.* III. 213). Действительно, римские риторические руководства описывают очень высокую степень активности (жес- тикуляции) ораторов. Настолько высокую, что Квинтилиан подчеркивал: оратор должен заботиться о снижении активности жестикуляции, так как это не только отвлекает от содержания речи, но иногда да- же может создать физическую угрозу для аудитории (*Quint. Inst.* XI. 3.118). Так, Гай Скрибоний Курион критиковался Цицероном из-за его неприятной привычки хождения из стороны в сторону. Скрибоний выступал, двигаясь столь интенсивно, что его сравнивали с мухобойкой или с человеком, выступавшим из гребной лодки (*Cic. Brutus.* 216). Степень физической активности оратора была зачастую так высока, что он должен был бы вспотеть к концу речи (*Quint. Inst.* XI.3.23). Эмоции, которые оратор должен про- демонстрировать, были так сильны – это было общей практикой для ораторов периода поздней Респу- блики, что заставляли их голоса ломаться, а самих выступавших порой даже плакать во время речи (*Sen. Cont.* VII. 4.6; *Cic. De Orat.* II. 189 – 190).

Таким образом, риторические руководства побуждают к рассмотрению этого энергичного, очень эмоционального стиля ораторской деятельности как нормы. Они могут дать нам представление о прием- лемых методах, вроде тех, которые применял Антоний, когда осуществлял адвокатскую защиту Мания Аквилия (около 97 г. до н.э.). Он разрывает на груди своего подзащитного тунику, чтобы показать его шрамы, прямо обращается к отдельным членам аудитории, конкретно – к коллеге Аквилия по консульству Гаю Марию, и доводит всех, включая себя, до слез (*Cic. De Orat.* II. 195 – 196). Однако дидактический ха- рактер руководств по ораторскому искусству, так же как и ситуация, в которой они создавались, делают затруднительным установление контекста практического использования жеста. В связи с этим возникает необходимость согласования свидетельств данных руководств с другими литературными источниками, в нашем случае – с сообщениями античных историков. Разумеется, свидетельства историков также трудны для интерпретации – такой историк, как Тацит, в его исторических повествованиях составил речи не только в соответствии с тем, что говорил тот или иной оратор, но прежде всего ради его (Тацита) собственной ин- терпретации событий. Из этого следует, что жесты, сопровождавшие такие речи, также должны были бы додумываться Тацитом, в соответствии с тем, что данному автору казалось подходящим и вероятным.

Учитывая временную и пространственную дистанцию между тем или иным античным автором и описываемыми им событиями, часто весьма большую, чрезмерное доверие к описываемым жестам, ве- роятно, являлось бы ошибочным. И так как сами большинство античных авторов были, кроме того, уче-

ными риториками, они, конечно, создавая литературные образы, выбирали для них жесты, соответствующие речам, которые авторы составляли для своих исторических персонажей. Даже *dicta* («протоколы» речей), которые часто принимаются как надежный источник, могут при ближайшем рассмотрении иметь небольшую надежность, поскольку, как замечено в статье С. Хрисантоса, посвященной волнениям в армии Цезаря в 47 году до н.э., едва ли Цезарь смог погасить мятеж, просто обратившись к своим солдатам: «*Quirites*» [6, р. 65 – 71]. Что в таком случае можно выяснить из сочинений римских авторов?

Во-первых, свидетельства о жесте и других формах внешнего выражения, являющиеся примерно современными описываемым античными авторами событиям, могут помочь в реконструировании общей (т.е. постоянной) практики. В этом случае подсказкой являются работы по теории красноречия Цицерона и Квинтилиана: их рекомендации и предостережения указывают на общие тенденции в ораторской практике современной им римской действительности [7, р. 257 – 269]. В этом случае повторение в источниках указаний на жесты и другие формы внешнего проявления римских полководцев могут помочь в реконструировании образцов поведения, в установлении диапазона того, что было приемлемо. Существенно, что это допускает возможность использования сочинений даже тех авторов, которые демонстрируют тенденцию к литературным заимствованиям [8, р. 114].

Упоминание ораторского жеста (или шире – всего *actio*) конкретным автором может быть информативным в различной степени. Но если автор был не только современником описываемых событий (основной тест на «правдивость», определенный в античное время), но имел практический опыт в данной области, о которой он пишет – квалификационный уровень, который постоянно рекомендует Лукиан в своем трактате «Как следует писать историю» (*Lucian Quom. Hist. Cons.* 37), – тогда есть большая вероятность, что подобные действия имели место в тех ситуациях, которые авторы описывают. По этой причине рассмотрим свидетельства авторов, у которых эти две характеристики присутствуют. Среди них одно их первых мест принадлежит Цезарю и, возможно, анонимным авторам, которые продолжили его записки. Далее целесообразным представляется переход к авторам, во временном отношении более отстоящим от предмета их сочинений. Вместо того чтобы видеть в таких примерах поведения полководцев обыкновенные тропы, или, напротив, предполагать, что каждый описанный случай произошел так, как о нем написано тем или иным историком, допустим, что примеры поведения, зафиксированные в источниках, отражают исторические условия и являются репрезентативными для данной культуры в целом. Отметим, что современные описываемым событиям источники важны, так как стремление авторов достичь правдоподобия в этом случае более результативно для достижения исторического реализма.

В античную эпоху и в наши дни внешнее выражение эмоций и состояния кого-либо, или иначе *vultus*, всегда было решающим обстоятельством для обоснованных суждений о том, кто демонстрировал этот *vultus*. Присутствие данного понятия в наших источниках является и ключом к пониманию характера представляемого лица, и общим местом, принятым в римской литературе. Например, выражение *os durum* («твердое выражение») часто используется в классической латыни для характеристики чье-либо *vultus*: *In hunc dixit Licinius Crassus orator non esse mirandum, quod aeneam barbam habret, cui os ferreum, cor plumbeum esset* (Suet. Nero. 2.2) – «Это о нем (прапрадеде Нерона Гнее Домиции – С. Т.) сказал оратор Лициний Красс, что нечего удивляться его медной бороде, если язык у него из железа, а сердце из свинца» (пер. М.Л. Гаспарова). Цицерон часто обращается к внешнему выражению описываемого лица, и в частности к выражению глаз, как к руководству для понимания чье-либо характера и намерений: *Animi est enim omnis actio et imago animi vultus: indices oculi* (Cic. De Orat. III. 221) – «Ведь движущая сила исполнения (т.е. ораторского выступления – С. Т.) – душа, а образ души – лицо, а выразители ее – глаза» (пер. Ф.А. Петровского). Цицерон также определяет *vultus* как указатель на характер человека и предполагает, что, не зная ничего о прошлом данного лица, можно, таким образом, использовать *vultus* как свидетельство об этом прошлом: *Etsi modestus eius vultus sermoque constans habere quiddam a Curibus videbatur* (Cic. Ad Fam. XV. 20) – «Впрочем, его скромное лицо и уверенная речь, видимо, имеют нечто, происходящее из Кур» (пер. В.О. Горенштейна).

И Цицерон, и Квинтилиан рассуждают о внешнем выражении как о средстве демонстрации серьезности слов. Внешнее выражение должно соответствовать словам, в противном случае слова проиграли бы не только в их *auctoritas*, но и в их *fides* (Quint. Inst. XI. 3.67). Соответственно, контроль выражения (т.е. самоконтроль) – существенная особенность риторического обучения. Без этого даже наилучшим образом составленная речь потерпит неудачу.

Однако хотя Цицерон полагает, что внешнее выражение – своего рода справочник по душе, он также признает, что оно может быть использовано, чтобы скрыть истинные намерения. В одном из своих писем Цицерон просит Квинта быть осторожным по отношению к тем провинциалам, которые хотели бы использовать дружбу с ним (т.е. с Квинтом) ради личной выгоды: *Multus enim simulationum involucris tegitur et quasi veils quibusdam obtenditur unius cuiusque natura: frons, oculi, vultus persaepe mentiuntur, oratio vero saepissime* (Cic. Ad Quint. Frat. IV. 15) – «И в самом деле, природа всякого человека покрыта многими оболочками притворства и как бы обтянута какими-то занавесями: лоб, глаза, выражение лица очень часто лгут, а речи особенно часто» (пер. В.О. Горенштейна).

По существу, та же мысль выражена в речи Цицерона против Пизона:

Non enim nos color iste servilis, non pilosae genae, non dentes putridi deceperunt: oculi supercilia, frons, voltus denique totus, qui sermo quidam tacitus est. Hic in fraudem homines impulit. Hic eos quibus eras ignotus decepit, fefellit, induxit (Cic. In Pisonem. 1.1) – «Не обманул нас ни скверный (букв. – «рабский» – С. Т.) цвет лица, ни щетинистые щеки, ни плохие зубы: глаза, брови, лицо, внешний вид, которые есть суть немая речь, все это к греху людей направляет (т.е. к греху против истины – С. Т.), все это тех, кто тебя не будет знать, введет в заблуждение, обманет, уведет (от правильного суждения – С. Т.)» (пер. наш – С. Т.).

Несмотря на признание, что выражение лица может обмануть, общее мнение древних относительно *vultus* – признание его наибольшей надежности по сравнению со словами. Должное внешнее выражение было основанием для доверия оратору [9, р. 154 – 155]. *Vultus*, как предполагалось, является искренним, одновременно и оправдывающим, и отражающим статус и характер человека, но вместе с тем он признавался контролируемым, а потому потенциально обманчивым указателем на истинные намерения говорящего. Квинтилиан и Цицерон используют следующий подход, чтобы избежать этого противоречия: оратор должен испытывать те чувства, которые он выражает в своей речи и которые старается вызвать у аудитории: *Neque fieri potest ut doleat is, qui audit, ut oderit, ut invideat, ut pertimescat aliquid, ut ad fletum misericordiamque deducatur, nisi omnes illi motus, quos orator adhibere volet iudici, in ipso oratore impressi esse atque inusti videbuntur. Quod si fictus aliqui dolor suscipiendus esset et si in eius modi genere orationis nihil esset nisi falsum atque imitatione simulatum, maior ars aliqua forsitan esset requirenda: nunc ego, quid tibi, Crasse, quid ceteris accidat, nescio; de me autem causa nulla est cur apud homines prudentissimos atque amicissimos mentiar: non me hercule umquam apud iudices [aut] dolorem aut misericordiam aut invidiam aut odium dicendo excitare volui quin ipse in commovendis iudicibus eis ipsis sensibus, ad quos illos adducere vellem, permoverer* (Cic. De Orat. II. 189) – «Да и невозможно вызвать у слушающего ни скорби, ни ненависти, ни неприязни, ни страха, ни слез сострадания, если все эти чувства, какие оратор стремится вызвать у судьи, не будут выражены или, лучше сказать, выжжены в его собственном лице. Если бы скорбь нам пришлось выражать неистинную, если бы в речи нашей не было ничего, кроме лжи и лицемерного притворства, – тогда, пожалуй, от нас потребовалось бы еще больше мастерства. К счастью, это не так. Я уж не знаю, Красс, как у тебя и как у других; что же до меня, то мне нет никакой нужды лгать перед умными людьми и лучшими моими друзьями: клянусь вам, что я никогда не пробовал вызвать у судей своим словом скорбь, или сострадание, или неприязнь, или ненависть без того, чтобы самому не волноваться теми самыми чувствами, какие я желал им внушить» (пер. Ф.А. Петровского).

Если эмоции сами по себе являются подлинными, то также слова и обстоятельства, которые вызывают их, воспринимаются в качестве истинных. При этом демонстрация эмоций в равной мере как спонтанна, так и весьма постановочна – она может происходить вновь и вновь, вызываемая силой собственных слов оратора, подобно тому, как актер способен выражать сильные эмоции во время повторных спектаклей (Cic. De Orat. II. 194). Так природа оказывается исправленной искусством (Quint. Inst. XI. 3.61).

Формирование субъектом действия (т.е. оратором или полководцем) своего *vultus* обуславливается составом аудитории. Необходимость соблюдать данный *vultus* наиболее актуальна, когда аудитория ниже рангом, чем субъект действия, и находится вне сферы формальной речи (т.е. речи в собственном смысле). Вот как Тацит описывает реакцию гостей Отона, приглашенных к нему на обед, в основном сенаторов и их жен, когда тому донесли о военном мятеже: *Qui trepidi, fortuitusne militum furor an dolus imperatoris, manere ac deprehendi an fugere et dispergi periculosius foret, modo constantiam simulare, modo formidine detegi, simul Othonis vultum intueri; utque evenit inclinatis ad suspicionem mentibus, cum timeret Otho, timebatur* (Tac Hist. I. 81.1) – «Перепуганные гости не знали, как объяснить вспышку солдатской ярости – то ли это случайность, то ли коварство императора; и что опаснее – оставаться на месте, рискуя быть схваченным, или бежать и оказаться один на один с толпой; они то храбрились, то трусили, не сводя глаз с Отона; как часто случается с людьми некстати проникательными, они усматривали опасность для себя в словах и поступках Отона, которые на самом деле были продиктованы одним только страхом» (пер. Г.С. Кнабе).

Отон обладает авторитетом во время любого публичного действия, хотя бы неформального, как в данном случае. Таким образом, званый обед становится своего рода форумом. Следовательно, гости наблюдали за выражением императора, чтобы судить не только о его реакции, но и видеть, не угрожает ли опасность им самим.

Что бы Отон ни сказал в данной ситуации, все это будет сравниваться его аудиторией с его выражением. Как можно заметить, и что наводит на размышления, гости Отона также манипулируют собственным *vultus*, чтобы управлять реакцией Отона. Отношения между субъектом действия и аудиторией являются, следовательно, диалоговыми, хотя динамика ситуации обеспечивает большее влияние императору, располагающему большей властью в силу его положения и большей информированности.

Взаимодействие между Отоном и его гостями демонстрирует, как принципы ораторского искусства обуславливаются психологией человеческих отношений. Опытный оратор должен быть в состоянии контролировать свое поведение, чтобы добиться ответной реакции от своей аудитории. Пример Отона,

который в данной ситуации потерял присутствие духа и тем невольно подстегнул страх в своих гостях, подтверждает значение техники самоконтроля, рекомендованной Квинтилианом и Цицероном (*Cic. De Orat.* II. 188 – 189; *Quint. Inst.* VI. 2.25; 11.3.62). Здесь становится очевидным, насколько было важно, чтобы оратор (или иной субъект публичного действия) был в состоянии контролировать реакцию аудитории, поскольку аудитория также полагается на выражение лица оратора как на средство коммуникации.

Подобные проблемы имеют прямое отношение и к поведению командира перед войском. Его *vultus* и его слова используются солдатами, чтобы оценить военную ситуацию, и таким образом *vultus* и слова оказывают прямое влияние на боевой дух солдат. Из этого следует, что если командир хотел, чтобы его солдаты имели соответствующее ощущение ситуации, то он должен был манипулировать своим поведением так, чтобы попытаться добиться соответствующего эффекта. Например, если командир хотел умерить беспокойство своих солдат, он должен был избегать демонстрации своей взволнованности, ему следовало казаться уверенным, подобно тому, как это делал Юлий Цезарь во время Африканской войны. Цезарь высадился со своими войсками в Северной Африке. Причем силы республиканцев и их союзников численно превосходили войска цезарианцев. Тем не менее энергетика Цезаря и его оптимистическое поведение успокоили войско (*BAfr.* X. 3 – 4) – эффект противоположный тому, как Отон невольно спровоцировал страх своей аудитории.

Трудно сказать, было ли поведение Цезаря в этом случае постановочным, но другие примеры его поведения в *Bellum Africum* позволяют думать, что дело обстояло именно так. Обратим внимание, как Цезарь дает понять солдатам о своем намерении двинуться в Африку: он устанавливает свою палатку у самой кромки морского берега так, что волны прибоя практически достигали ее (*BAfr.* I. 1; *Plut. Caes.* 52.1 – 5). Нарушение принципа размещения является очевидным – командирская палатка, или *praetorium*, обычно располагалась в самом центре военного лагеря. Цезарь явно пытался управлять реакцией своего войска на готовившуюся африканскую экспедицию, демонстрируя, насколько неодолимо его желание отправиться в поход; невзирая на рискованность всего предприятия, он намекает солдатам, что они должны утвердиться в подобном же отношении.

Волновался ли Цезарь фактически в приведенных примерах, не существенно, важно лишь то, как он демонстрировал свое отношение. Его реакция на ситуацию была немедленно принята войском, чем были продемонстрированы как эффект *vultus*, так и то, что Цезарь остается в центре внимания даже в неформальной ситуации. Поведение Цезаря достигает нескольких целей одновременно: во-первых, успокаивая страхи, он поощряет более эффективные действия своих солдат; во-вторых, таким образом он сигнализирует войску о своем отношении к ситуации; в-третьих, это поддерживает его статус в пределах группы посредством того преимущества, которое он имеет благодаря лучшей информированности – если командир не обескуражен тем, что кажется безнадёжной ситуацией, он, должно быть, лучше информирован. Таким образом, реакция Цезаря направлена не только на то, чтобы убедить солдат, но в конечном итоге на то, чтобы укрепить воинскую иерархию.

Аудитория Цезаря, как и Отона, вполне критична, т.е. в состоянии критически оценить ситуацию. Оценка африканских перспектив войсками Цезаря является реалистической – эта экспедиция есть самонадеянная и опрометчивая. Но ловко примененная Цезарем оптимистическая манера поведения убеждает солдат игнорировать их собственные суждения. Солдаты Цезаря, подобно гостям Отона, строят свое поведение самостоятельно, но это решение принимается ими под влиянием самопредставления их командира. В обоих случаях замечательно, что не известно, что говорилось Цезарем и Отоном их аудитории – жесты и манера поведения несут здесь также много или даже еще больше информации, чем слова.

Данный метод влияния на армию был успешным не всегда. Сообщения Плутарха об экспедиции Красса в Парфию свидетельствует об отсутствии в данном случае взаимопонимания между командиром и его войском. Действия Красса по выстраиванию своего *vultus* напоминают действия Цезаря, но поведенческие сигналы, которые он посылает солдатам, неизменно понимаются ими неправильно. Результат – деморализация войска и потеря полководцем влияния (из-за своей неспособности убедить солдат в его интерпретации событий). Например, когда Красс и его армия только пересекают мост, ведущий на парфянскую территорию, он заявляет, что намерен разрушить мост с тем, чтобы ни один из них (солдат его армии) не мог возвратиться (*Plut. Crassus.* 19). Цель полководца – подтолкнуть армию сражаться более отчаянно, отказавшись от мысли о спасении бегством. Эффект, однако, был таким, что еще более напугал солдат. Плутарх полагает, что Красс был слишком упрям, чтобы признать свою ошибку. Перед его речью к солдатам является множество плохих предзнаменований, как, например, орел на штандарте первого легиона, пересекавшего реку, повернул свою голову назад как бы сам собой, или армии в качестве ее продовольствия были выданы чечевица и соль – символы траура. Затем Красс одевает черный плащ вместо принятого для полководцев пурпурного (*Plut. Crassus.* 23). Однако в последнем случае он призна-

ет свою ошибку и исправляет ее. Тем не менее в этот же день его солдаты не могут вытащить из земли штандарт, что было расценено как очень плохой знак.

Ошибка Красса в обоих этих случаях состоит в его неправильном понимании ситуации. В то время как он знает о своей *persona* (т.е. знает, что хочет сказать войску), он не знает, как применить это знание, чтобы обеспечить искомую реакцию войска. Во-первых, он не в состоянии оценить моральное состояние своего войска. Независимо от того, насколько правдив рассказ о предзнаменованиях, в контексте рассказа Плутарха они все показывают, что войско напугано и сомневается в себе и своем лидере.

Разумеется, предзнаменования сами по себе не имеют значения, пока не будут кем-либо растолкованы. Небрежность Красса состоит в отказе дать более благоприятную их интерпретацию. Хороший же полководец, очевидно, принимал на себя такую обязанность. Цезарь, например, когда поскользнулся, сходя с корабля на африканский берег (46 г. до н.э.), обратил этот дурной знак в добрый, сказав: «Я держу тебя, Африка» (*teneo te, Africa*) (Suet. Div. Jul. 59; Front. Strat. I. 12.2). Фронтин перечисляет двенадцать *exempla* (примеров) подобных же действий под заголовком «Как рассеять страх, внушенный солдатам неблагоприятными предзнаменованиями» (*De dissolvendo metu, quem milites ex adversis conceperint ominibus*) (Front. Strat. I. 12). Иначе говоря, одна из обязанностей полководца состояла в том, чтобы обеспечить такую интерпретацию событий и предзнаменований, которая поддерживала бы моральный дух войска. Однако Красс был слишком беспечен, чтобы относиться к этой роли серьезно.

Черный плащ Красса также не был беспрецедентным фактом – Сципион Эмилиан носил такой же у Нуманции, чтобы показать свое недовольство солдатам, растерявшим свой боевой дух (Plut. Mor. 201C). Но в случае Красса это было более чем неуместно. Он должен был знать о настроении войска, прежде чем надевать черный плащ.

Небрежность Красса отражена в других примерах его деятельности на протяжении парфянской кампании. Плутарх вначале уподобляет Красса купцу, не полководцу, когда тот с его чрезмерным беспокойством по поводу финансов отказывается от регулярного обучения войска, когда то стояло на зимних квартирах. Красс предпочитает ждать своего сына вместо того, чтобы быстро двинуться против парфян, и вдобавок оба (Красс и его сын) упали, когда выходили из храма – первый дурной знак этой кампании, и которому он Красс не попытался придать благоприятное толкование (Plut. Crassus. 17). Позже он неразумно доверяется проводнику-обманщику, в результате чего его армия была вынуждена принять сражение при Каррах. Поскольку Красс не знает местности, он выстраивает боевую линию неудачно, и не может изменить ситуацию к лучшему путем быстрого ее перестроения (Plut. Crassus. 23).

В ходе всего повествования Плутарха квестор Красса Кассий выступает как контраст по отношению к своему командиру, мудрый наблюдатель, дающий ему разумные советы, которые игнорируются, например, когда Кассий предлагает следовать совету союзников относительно способа борьбы с парфянами. Именно Кассий первым предложил наиболее подходящий вариант построения для сражения, который Красс сначала принимает, но затем отвергает в пользу каре, что позволяет парфянам сделать то, о чем предупреждали союзники, – окружить римские силы (Plut. Crassus. 23).

Перед и во время сражения Красс оказывается в состоянии соответствовать долгу военного лидера, подбадривая своих воинов, хотя эти действия оказываются слишком запоздалыми, чтобы иметь какое-либо влияние на моральное состояние войска (Plut. Crassus. 26; 27). Когда же приходит ночь, завершающая сражение, поведение солдат показывает, что дисциплина и моральный дух пали – раненый и убитый оказываются брошенными, и каждый думает прежде всего о собственном спасении. Однако воины жаждут увидеть лицо Красса, слышать его голос, примечательная деталь, если принять во внимание его многочисленные ошибки и унижительное поражение, в котором Плутарх (и солдаты) однозначно обвиняет Красса (Plut. Crassus. 27). Возможно, здесь мы имеем перед собой литературный прием Плутарха, посредством которого автор стремится усилить трагический эффект – ведь выше Плутарх отмечает блаженную самоуверенность Красса. Последний, по Плутарху, отступает к своей палатке и, более того, прячется в темноте (Plut. Crassus. 27). Этим автор дает понять, что Красс оставил свое командование полностью. Здесь его подчиненные, Кассий и Октавий, стараются ободрить своего командира и в конечном итоге держат *consilium* без него (Plut. Crassus. 27).

Хотя Красс формально руководит компанией вплоть до своей гибели, ночь после Карр – поворотный момент. Войско уже никогда не вернется к активным действиям и почти полностью отстранится от Красса. Однако он сохраняет лояльность своих офицеров вплоть до самого конца. Остальная же часть войска, тем не менее, почти вынуждает его пойти на переговоры с парфянами (Plut. Crassus. 29; 30). Облик Красса как командира, собственно использование им речи и шире – своего *vultus*, имеет, таким образом, большее значение для его солдат, чем для офицеров.

Стиль командования, продемонстрированный Крассом и описанный Плутархом, подтверждает следующее: очевидно, что крассово недалекое поведение только усиливало сомнения войска вместо того, чтобы рассеивать их, как это получилось у Цезаря в Африке.

Успешное командирское поведение могло идти далее уменьшения неуверенности войска, оно могло предотвратить его полностью. Часто это была борьба командира за удержание центральной (в смысле – доминирующей) позиции в лагере. Именно в этом пункте наблюдается пересечение с традиционным аспектом дисциплины, который состоит в ограничении влияния штатских на солдатскую массу. Торговцы, слуги, рабы и куртизанки обеспечивали своим присутствием не только удобства жизни: они были связью с внешним миром и часто источником информации много более доступным, чем командир. Солдаты сами часто были распространителями слухов – вербуемые, т.е. пришедшие из штатской среды, ряды печально знамениты этим в большинстве армий. Это представляет собой естественную реакцию со стороны людей, не имеющих возможности контролировать ситуацию, но рискующих многое потерять. Недостоверная информация или, по крайней мере, информация, которая допускала иную интерпретацию, чем та, которую предлагал командир, могла легко оттолкнуть войско от его лидера. В частности, это способствовало эскалации мятежа в Паннонии, когда солдат по имени Вибулен заявил, что телохранитель Блеза убил брата Вибулена. Тацит же сообщает, что у Вибулена никакого брата не было (*Tac. Ann. I. 22*).

Одна из проблем полководцев и императоров смутного 69 года н.э. состояла в высокой степени информационного влияния местных жителей на армию (*Tac. Hist. I. 65.2; I. 66.2; II. 72; III. 43; IV. 79*). Цезарь имел дело с этой проблемой в ходе Африканской войны, но использовал необычный и замечательный метод ее нейтрализации. Согласно Светонию, вместо того, чтобы отрицать или просто говорить неправду в ответ на слухи и вопросы, он стал преувеличивать опасность: «*Scitote, – inquit, – paucissimis his diebus regem adfuturum cum decem legionibus, equitum triginta, levis armaturae centum milibus, elephantis trecentis. Proinde desinant quidam quaerere ultra aut opinari mihique, qui compertum habeo, credant; aut quidem uetustissima naue impositos quocumque uento in quascumque terras iubebo auehi*» (*Suet. Div. Jul. 66*) – «Знайте: через несколько дней царь будет здесь, а с ним десять легионов, да всадников тридцать тысяч, да легковооруженных сто тысяч, да слонов три сотни. Я это знаю доподлинно, так что кое-кому здесь лучше об этом не гадать и не ломать голову, а прямо поверить моим словам; а не то я таких посажу на дырявый корабль и пушу по ветру на все четыре стороны» (пер. М.Л. Гаспарова).

В словах Цезаря здесь одновременно и насмешка, и угроза. Был ли ответ отражением его недовольства войском, или же его манера была типичной? Как бы там ни было, источник указывает на относительно открытость между уровнями иерархии в войске Цезаря, особенно на стремление командира утвердиться в качестве главного источника информации.

Главное отличие этих примеров от риторических образцов состоит в неформальном характере демонстрации командирского *vultus*. Тацит подразумевает, что более формальное самопредставление было наиболее применимо там, где отношение уже сформировалось: *At in superiore exercitu quarta ac duetvicensima legiones, isdem hibernis tendentes, ipso kalendarum Ianuariarum die dirumpunt imagines Galbae, quarta legio promptius, duetvicensima cunctanter, mox consensu. Ac ne reverentiam imperii exuere viderentur, senatus populique Romani obliterata iam nomina sacramento advocabant, nullo legatorum tribunorumve pro Galba nitente, quibusdam, ut in tumultu, notabilius turbantibus. Non tamen quisquam in modum contionis aut suggestu locutus; neque enim erat adhuc cui imputaretur* (*Tac. Hist. I. 55.4*) – «В Верхней Германии четвертый и двадцать второй легионы, занимавшие один и тот же лагерь, в самый день январских календ разбили изображения Гальбы. Четвертый легион выступил более решительно, а двадцать второй поначалу медлил, но потом они договорились. Чтобы казалось, будто они сохраняют верность государству, солдаты прибавили к присяге давно забытые слова о сенате и римском народе. Из легатов и трибунов ни один не выступил в защиту Гальбы; некоторые даже сами подстрекали к восстанию – так обычно и бывает во время беспорядков. Однако никто не решался собрать солдат на сходку и обратиться к ним с трибуны: еще не от кого было ожидать за это награды» (пер. Г.С. Кнабе).

Идея адаптировать *vultus* к произносимым словам заметна также на примерах формальных военных речей. Цезарь сообщает, что люди Домиция Агенобарба в Корфинии взбунтовались после того, как увидели, что его *vultus* и его *oratio* не согласуются: *Cum vultus Domiti cum oratione non consentiret, atque omnia trepidantius timidiusque ageret, quam superioribus diebus consuesset, multumque cum suis consiliandi causa secreto praeter consuetudinem colloqueretur, concilia conventusque hominum fugeret, res diutius tegi dissimularique non potuit* (*Caes. BC. I. 19.3*) – «Однако выражение лица Домиция не согласовывалось с его речью, и во всем поведении его было больше суетливости и робости, чем в предыдущие дни; далее, против обыкновения, слишком часто совещался тайком со своими приближенными и избегал всяких сходок и собраний. Таким образом, истину нельзя было дольше скрывать и утаивать» (пер. М.М. Покровского).

Формальные обращения полководца к войску часто могли иметь место на лагерном трибунале и показательны, что, по словам Тацита, одним из первых действий, предпринятых взбунтовавшимися солдатами в Паннонии в 14 году н.э. было строительство их собственного трибунала – возвышение для произнесения речей было материальным символом военной власти (*Tac. Ann. I. 18.4 – 5*).

Как уже говорилось выше, владение средствами психологического воздействия на солдатскую массу было сильным инструментом полководца: в ответ на действия взбунтовавшихся в Паннонии солдат один из командиров, Юний Блез, реагирует сначала уверенными речами, используя свой большой риторический опыт в качестве основного оружия (*Tac. Ann.* I. 19.2). Красноречие, в том числе в аспекте сценического действия, используется, чтобы влиять на армию, в течение всего Принципата, о чем можно судить исходя из сообщений Тацита (*Tac. Hist.* I. 85; II. 5; II. 80; III. 10).

Кроме того, та частота, с которой слова *contio* («сходка») и *contionor* («выступать на сходке») используются Цезарем и другими писателями, предполагает, что развернутые обращения были очень распространены. Мы также можем предположить, что речи, произнесенные *apud milites*, могут быть классифицированы как вполне соответствующие рекомендациям по ораторскому искусству. Светоний обращается к речи Цезаря *apud milites in Hispania* как образцовой риторической. Кроме того, есть схожая оценка его же речи *apud milites de commodis eorum* у грамматика Диомеда (*Suet. Div. Jul.* 55.4; *GL.* I. 400.20).

Такие наблюдения позволяют говорить, что если римляне считали речи полководцев перед солдатами эквивалентными речам, традиционно рассматриваемым как «риторические», то ораторы в этом контексте, вероятно, следовали бы принципам аргументации и постановки, рекомендованным риторическими руководствами. Это как бы противоречит мнению Цицерона в *Off.* II. 48, который утверждает, что речь перед солдатами является просто *sermo*, а не *oratio*. С другой стороны, он также утверждает, что правила красноречия должны также относиться к *sermo* (*Off.* I. 132).

Однако, как видно из источников, содержательная сторона речи еще не обеспечивала успеха полководцу. Существенной трудностью, которая должна быть преодолена в развернутых обращениях к войску, является способность добиться того, чтобы быть услышанным. Имеется следующий пример у Светония в *Divus Julius*. 33: многие из солдат Цезаря, *extrema contione*, неправильно поняли жестикуляцию Цезаря, так как лучше могли его видеть, чем слышать. В то время как этот пример, казалось бы, доказывает важность слов, он фактически подчеркивает, что доверие солдат основывалось больше на жесте и внешнем виде полководца, и как оратор должен выстроить свои действия, чтобы они не были извращены.

Взаимодействие Цезаря с солдатской массой имело место в пределах формального *militari* контекста. Римская армия знаменита ее методичным подходом к устройству лагеря, обычная ежедневная рутина постоянно укрепляла военную иерархию. Даже неформальное общение между командиром и солдатами отражало военную структуру в связи с тем, что командир, как мы видим, обычно был в центре внимания. Контекст общения командира с солдатской массой оказывается также шире, чем у оратора в общении с его аудиторией: вместо того чтобы уговаривать применительно к случаю, командир должен поддерживать непрерывную серию взаимодействий со своим войском. В отличие от штатского оратора командир находится под гораздо более пристальным взглядом его аудитории. В таком свете мы видим Цезаря и других командиров, использующих риторические методы контроля над настроением их солдат вне границ формальной речи.

Проблема, с которой неопытный офицер мог столкнуться в военном лагере, состоит в понимании того, что приемы невербального воздействия на солдатскую массу были не просто применимыми, но являлись необходимыми для достижения успеха. В этом, вероятно, состояла суть критики Цезаря по отношению к Домицию в Корфинии, когда Домиций оказался слишком некомпетентным, чтобы признать, что эти основы риторической техники были необходимы, о чем было сказано выше. И это, возможно, подразумевает Тацит, когда указывает на грубую ошибку Вителлия: тот в глазах солдат оказывается неспособным управлять своим выражением лица, когда получает военные донесения (*Tac. Hist.* III. 56).

Характеристика, которую Цезарь дает Домицию, представляется объективной: Цицерон в *Brutus* также сообщает о том, что Домиций не имел риторического опыта вообще: *L. Domitius nulla die quidem arte, sed Latine tamen et multa cum libertate dicebat* (*Cic. Brutus.* 267) – «Что касается Луция Домиция, то он не знал никакой науки, но говорил на хорошей латыни и с большой свободой» (пер. И.П. Стрельниковой). Это также подчеркивает критика Цезаря по отношению к неопытным офицерам, которые сопровождали его к Весонтиону, исходя из *amicitia* (*Caes. BG.* I. 39.2). Рассказ Цезаря о событиях под Весонтионом настоятельно критиковался за его тенденциозность и пропагандистскую направленность – Цезарь, возможно, маскировал сомнения своего войска в законности его действий, утверждая, что его офицеры возбудили волнения среди солдат своим малодушием. Но если эти люди бессознательно помогали противодействовать планам Цезаря своей неспособностью управлять их *vultus*, это также перекликается с осознанным поведением, которое демонстрировал сам Цезарь. По этому поводу стоит обратить внимание на ремарку Гирция в *BG* 8. pr. 7 – 8: *Caesare cum facultas atque elegantia summa scribendi, tum verissima scientia suorum consiliorum explicandorum* – «Цезарь был не только весьма искусным и изящным стилистом: он обладал также истинным умением излагать свои замыслы» (пер. М.М. Покровского).

Заключение. Поведение римских военных лидеров в приведенных примерах, вероятно, обуславливалось влиянием риторического обучения и их успех определялся теми же принципами [10, р. 20 – 21].

Показательно, что Цезарь, являющийся пример полководца, наиболее успешно реализовывавшего свой *vultus*, получил обширное риторическое образование (*Suet. Div. Jul.* 41, 55.1; *Cic. Brutus.* 252, 261; *Tac. Ann.* XIII. 3.4). Заметим, что личный *vultus* имел большое значение и для ораторского искусства, и для собственно практики военного лидерства. Хотя в сообщениях античных авторов нет прямого указания на то, что римские полководцы освоили принципы самопредставления посредством риторического обучения, мы видим совпадение целей и средств в обеих сферах – в риторической и военной. Мы также видим, как Цезарь (чей метод едва ли был нетрадиционным [11, p. 194]), Красс и другие командиры демонстрируют применение этих принципов вне контекста формальной (развернутой) речи. Отсюда должен следовать закономерный вывод об определяющем значении по преимуществу невербальных средств воздействия римского полководца на солдатскую массу. Интегральным понятием для таковых, очевидно, следует признать *vultus* римского полководца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Goldsworthy, A. *The Roman Army at War 100 B.C. – A.D.200* / A. Goldsworthy. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 328 p.
2. Утченко, С.Л. Политические учения Древнего Рима (III – I вв. до н.э.) / С.Л. Утченко. – М., 1977. – 256 с.
3. Махлаюк, А.В. Роль ораторского искусства полководца в идеологии и практике военного лидерства в Древнем Риме / А.В. Махлаюк // Вестн. древней истории. – 2008. – № 1. – С. 31 – 48.
4. Aldrete, G.S. *Gestures and Acclamations in Ancient Rome* / G.S. Aldrete. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1999. – XXV, 227 p.
5. Gleason, M.W. *Making Men: Sophists and Self-Presentation in Ancient Rome* / M.W. Gleason. – Princeton: Princeton University Press, 1995. – XXXII, 156 p.
6. Chrissanthos, S.G. *Caesar and the Mutiny of 47 BC* / S.G. Chrissanthos // *Journal of Roman Studies*. – 2001. – № 91. – P. 63 – 71.
7. Wisse, J. *Ethos and Pathos from Aristotle to Cicero* / J. Wisse. – Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1989. – xv, 370 p.
8. Oakley, A. *Commentary on Livy Books VI-X* / A. Oakley. – Vol. II – Oxford: Oxford University Press, 1998. – xiii, 866 p.
9. Gill, C. *The Ethos/Pathos Distinction in Rhetorical and Literary Criticism* / C. Gill // *Classical Quarterly*. – 1984. – № 1(34). – P. 149 – 166.
10. Campbell, B. *Teach Yourself How to be a General* / B. Campbell // *Journal of Roman Studies*. – 1987. – № 77. – P. 13 – 29.
11. Goldsworthy, A. *Instinctive Genius: The depiction of Caesar the general* / A. Goldsworthy // *Julius Caesar as Artful Reporter: The War Commentaries as Political Instruments*. – London: Duckworth, 1998. – P. 193 – 219.

Поступила 24.10.2011

VULTUS OF THE ROMAN COMMANDER

S. TELEPEN

Article is devoted such factor of military leadership in Ancient Rome, as vultus the commander. By the end of Republic the method of the Roman military leadership has already developed, that has allowed many commanders to provide an effective control over their soldiers. Generally it was a belief method. The given type of leadership has found application in formal and informal contexts of a life of military camp that demanded from the commander of high level of the control of the appearance, gesture and a voice. In article the conclusion becomes, that though it is difficult to tell unequivocally, that the behaviour of the Roman military leaders was caused by influence of rhetorical training, it is obvious, that their success was defined by the same principles. Personal vultus the commander had here great value both for oratory, and for actually practice of military leadership. The conclusion that as a whole it is possible to speak about defining value on advantage of nonverbal levers of the Roman commander on soldier's weight becomes.